

3. *Свістунова М.І.* Некаторыя праблемы сучаснай беларускамоўнай ІТ-тэрміналогіі [Электронны рэсурс] // Беларускае слова: тэрмін і вобраз : зб. артыкулаў па матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці праф. В. П. Краснея, г. Мінск, 27 снежня 2017 г. / БДУ, Філалагічны фак., Каф. гісторыі беларускай мовы ; рэдкал.: М.І. Свістунова (адк. рэд.) [і інш.] ; пад агул. рэд. М. Р. Прыгодзіча. Мінск : БДУ, 2017. С. 167–175. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/194857> (дата звароту: 01.08.2020).

4. *Таненбаум Э.* Архитектура компьютера / Э. Таненбаум, Т. Остин ; пер. с англ. Е. Матвеева. 6-е изд. СПб : Питер, 2013. 816 с.

5. *Шасцярнёва Л.* Сістэмная арганізацыя беларускай камп'ютарнай лексікі [Электронны рэсурс] / Л. Шасцярнёва, Ю. Лук'янюк // Журналістыка-2013: стан, праблемы і перспектывы : мат-лы 15-й Міжнар. навук.-практ. канф., 5–6 сн. 2013 г., Мінск / рэдкал. : С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. Вып. 14. Мінск : БДУ, 2013. С. 210–216. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/89189> (дата звароту: 01.08.2020).

6. *Шчасная К.* Паслугач не знойдзены, або Складанасці беларускай камп'ютарнай тэрміналогіі [Электронны рэсурс] // Літаратура і мастацтва. 2013. 19 ліпеня (№ 28). С. 8. URL: http://csl.bas-net.by/press-nan/2013/07/19_paslugach_ne_znojdzeny.pdf (дата звароту: 03.08.2020).

ТРАКТОВКА РАЗНИЦЫ ВНУТРЕННИХ ФОРМ СЛОВ: СИНХРОННЫЙ ПОДХОД

А.И. Ковалева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, республика Беларусь,
kowalowa_anna@mail.ru*

*Научный руководитель – И.С. Ровдо,
доктор филологических наук, профессор*

Подробно рассматриваются трактовки разницы внутренних форм семантически эквивалентных слов разных языков, представленные в сопоставительных исследованиях. На базе анализа работ, посвященных проблеме внутренней формы слова, выделены критерии разницы внутренних форм. Прежде всего, структурный критерий, связанный с разницей частеречной принадлежности и количеством мотиваторов сопоставляемых слов, а также типом мотивированности последних. Семантический критерий предполагает неидентичность морфемной структуры и различие мотивирующих признаков сопоставляемых слов. В качестве критерия разницы внутренних форм, оптимального для сопоставительных исследований, направленных на выявление специфического отражение мира средствами разных языков, предлагается рассматривать семантику внутренних форм.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; лексико-семантическая группа; мотивирующий признак; морфемная структура слова; мотивирующее слово.

Словосочетание «внутренняя форма слова» (далее – ВФ) благодаря своей образности получает различные трактовки и используется в филологических работах различных направлений. Одним из интереснейших аспектов рассмотрения ВФ является анализ данного феномена в качестве

элемента национальной языковой картины мира. Большим потенциалом при изучении ВФ как закрепленного в структуре слова выразителя специфического взгляда на действительность обладают сопоставительные исследования, концентрирующиеся на проблеме сходства и различия ВФ семантически эквивалентных лексических единиц разных языков. Однако даже в рамках сопоставительных работ нет единого четкого представления о том, какие ВФ можно считать различными. Отсутствие решения вопроса о сущности разницы ВФ не позволяет вычленить и проанализировать те участки лексических систем сопоставляемых языков, внутри которых ВФ слов демонстрируют специфическое отражение мира. В целях определения критерия различия ВФ, который является наиболее адекватным для выявления такого рода материала, остановимся на рассмотрении подходов к проблеме разницы ВФ в крупных сопоставительных работах.

Ключевую роль в решении вопроса о сущности разницы ВФ играют цели конкретного исследования и лексический материал, анализируемый в нем. В подавляющем большинстве работ, касающихся проблемы ВФ семантически эквивалентной лексики нескольких языков, сопоставлению подвергаются члены субстантивных ЛСГ (наименования лиц [4], животных [8], птиц [3], рыб [7], головных уборов и обуви [2], предметно-бытовая лексика [6]). Часть исследователей сосредотачивается на изучении структурных особенностей ВФ таких номинаций, анализируя целые группы лексических единиц, полученные в результате классификации. Например, в составе заявленной автором в заглавии работы ЛСГ исследуется соотношение числа мотивированных и немотивированных единиц сопоставляемых языков, структурно и семантически мотивированных слов, слов с полной и неполной членимостью [2]. Авторы выявляют количество лексических единиц с метафорической и неметафорической ВФ, а также определяют соотношение фонетически, морфологически и семантически мотивированных слов в границах ЛСГ сопоставляемых языков [8]. В качестве оснований для классификации используются и такие формальные признаки, как частеречная принадлежность мотивирующих слов, количество мотивирующих слов [6]. В упомянутых работах нет определения того, что составляет разницу ВФ двух конкретных лексических единиц, поскольку целью таких исследований является выделение классов ВФ и сопоставление количества единиц в них. Потенциально любой из вышеуказанных параметров может быть использован в качестве критерия различия ВФ не только у целых классов слов, но и у двух отдельных семантически эквивалентных единиц. Однако очевидно, что вышеназванные параметры сопоставления всесторонне характеризуют эквивалентную лексику определенной ЛСГ с точки зрения ее структурных особенностей, но оставляют за границами исследования вопрос о закрепленном в структуре мотивированного слова национально специфическом взгляде на объект номинации – о семантической

составляющей ВФ. По этой причине ни один из указанных выше критериев не может быть принят в качестве параметра определения различия ВФ у двух семантически эквивалентных единиц сопоставляемых языков, если целью исследования является анализ языковых картин мира на материале ВФ слов.

В большей части вышеназванных работ [3, 4, 6, 7, 8] в сопоставительном аспекте рассматривается и семантическая составляющая ВФ – мотивирующий признак, под которым понимают «один из признаков самой реалии, выделяемый как «представитель» всей совокупности ее признаков, способный наиболее ярко охарактеризовать данный предмет в ряду ему однородных» [1, с. 96]. Несмотря на то, что у отдельных авторов мотивирующий признак получает другие наименования, методика сопоставления материала в данных исследованиях одинакова: у всех членов ЛСГ определяется мотивирующий признак, на основании чего устанавливается характерный для каждого из сопоставляемых языков репертуар мотивирующих признаков, а также преобладание того или иного признака у единиц заявленной ЛСГ. Сопоставление мотивирующих признаков, характерных для членов ЛСГ исходного языка, с мотивирующими признаками членов той же ЛСГ языка сопоставления позволяет выявить закономерности именования объектов действительности в относительно замкнутых лексических группах.

Потенциально мотивирующий признак может быть использован в качестве критерия определения различия ВФ у двух конкретных единиц сопоставляемых языков. Однако в таком случае за границами исследования окажется значительное число двуязычных лексических пар, члены которых демонстрируют между собой отличия несколько более тонкие, чем отличия в мотивирующем признаке. Это связано с тем, что мотивирующий признак указывает лишь на общее направление мысли при наименовании, в то время как структура мотивированного слова фиксирует не только направление мысли, но и конкретное название того явления А, через которое данное явление В получило собственное название. Проиллюстрировать это можно следующими примерами. В паре рус. *сверток* – бел. *пакунак* со значением ‘предмет или ряд предметов, завернутых в один пакет, в одну пачку’ (здесь и далее примеры на русско-белорусском материале) и русское, и белорусское слово запечатлели в своих ВФ один и тот же мотивирующий признак – действие, совершенное над объектом. Однако ВФ русского слова отмечает, что предметы были свернуты, то есть обернуты, в то время как ВФ белорусского аналога обладает более широким значением, указывая на то, что предметы были упакованы – сложены в какую-либо тару. Таким образом, ВФ обоих членов пары рус. *сверток* – бел. *пакунак* характеризует объект, именуемый этими словами, как нечто упакованное. Однако различие между ВФ слов, связанное с разными типами мотивированности, заметно, так как ВФ русского слова *сверток* (слово с прямой

мотивированностью) указывает на действие, реально совершенное над объектом, а ВФ белорусского аналога *пакунак* (слово с конденсированной мотивированностью) чрезвычайно широка по семантике и объединяет под своим названием целый ряд действий, только одно из которых направлено на создание *свертка*. Если за разницу ВФ принять различие в мотивирующем признаке русского и белорусского слов, представленные нами в качестве иллюстрации рус. *сверток* – бел. *пакунак* и подобные им пары необходимо будет рассматривать как слова с одинаковой ВФ, а разница в семантике ВФ русского и белорусского эквивалентов останется без внимания. То же справедливо и для пары рус. *взяток* – бел. *ношка* ‘нектар или пыльца, добытые пчелой за один раз’. У обоих членов данной пары выделяется один и тот же мотивирующий признак – действие, но ВФ слов сохранили связь с наименованиями разных стадий того процесса, в котором участвует медоносная пчела: русское слово указывает на количество нектара, которое пчела способна взять, а белорусское – на то количество нектара, которое пчела может нести.

Таким образом, если цель исследования – выявление репертуара мотивирующих признаков членов какой-либо ЛСГ в нескольких языках и их последующее сопоставление, разницей между значениями ВФ слов можно пренебречь, поскольку она не отражается на характере мотивирующих признаков. А если в задачи исследования входит без привязки к определенной ЛСГ обнаружить участки лексических систем сопоставляемых языков, которые демонстрируют специфическое отражение мира, то учет разницы в значениях ВФ сопоставляемых слов представляется нам обязательным, так как позволяет выявить уникальные для каждого отдельного слова связи между явлениями действительности, закрепленные в морфемной структуре.

Именно неидентичность морфемной структуры избирает в качестве показателя различия ВФ слов К.А. Токарев в диссертационном исследовании, посвященном проблеме сходства и различия ВФ семантических эквивалентов [5]. В отличие от вышеупомянутых работ, в рамках данного исследования сопоставление лексического материала производилось на базе пар семантически эквивалентной лексики, которая не была ограничена тематически. Это сделало возможным перенесение акцента при исследовании ВФ с мотивирующего признака на морфемную структуру слова. К. А. Токарев под совпадением ВФ понимает «тождество первичного признака мотивации и внешней формы» [5, с. 10], то есть, во-первых, семантическую идентичность мотивирующих слов, во-вторых, обязательное наличие в структуре слова семантически эквивалентных формантов, как в паре англ. *founder* ‘основатель’ (< *found* ‘основать’, *er* – суффикс со значением исполнителя действия) – укр. *засновник* (< *засновати* ‘основать’, *ник* – суффикс со значением исполнителя действия).

Анализ большого объема русских и белорусских семантических эквивалентов позволяет утверждать, что такого рода сопоставление детально учитывает значение мотивирующей базы и формантов, представленных в слове, но создает парадоксальные условия для изучения ВФ как вербального хранителя знаний о связи между явлениями. Скрупулезное изучение морфемной структуры слова и ее семантики, предлагаемое в работе К. А. Токарева, вынуждает рассматривать разницу между формантами сопоставляемых слов как достаточный показатель разницы ВФ. Например, одним из переводов белорусского слова *акраец* на русский язык является слово *краюха* 'большой ломоть хлеба, отрезанный от края'. В структуре обоих слов благодаря одному и тому же мотивирующему *край* просматривается указание на место нахождения этой части хлебного каравай до того, как она была отделена от него. При этом, если для выявления различия ВФ пользоваться методикой совокупного сопоставления семантики мотивирующего слова и формантов членов анализируемой пары, необходимо будет рассматривать семантические эквиваленты рус. *краюха* и бел. *акраец* как слова с разной ВФ, поскольку форманты данных слов семантически неидентичны: суффикс русского слова *-юх* участвует в создании слов словообразовательного типа с общим значением 'предмет, характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом', а белорусский конфикс *а-...-ец* отличается более специализированным значением 'прадмет, які з'яўляецца часткай таго, што названа ўтваральным словам'. Кроме того, жесткая привязка к семантической эквивалентности формантов как обязательному критерию идентичности ВФ обязывает расценивать все пары, один из членов которых является конверсивом, а другой – структурным дериватом (рус. *нечистый* – бел. *нячысцік* 'злой дух, черт'), как пары с различной ВФ, поскольку в структуре первого слова отсутствует формант со значением 'асоба – носбіт прыметы, названай утваральным словам', а в структуре второго наличествует. Для исследования ВФ слова, которая ценна прежде всего как указатель на сохранившиеся в структуре слова связи между явлениями действительности, учет семантики форманта представляется чрезмерным, поскольку, если принимать разницу в семантике между формантами сопоставляемых слов за достаточный критерий разницы ВФ, техника словопроизводства, обусловленная возможностями конкретной словообразовательной системы, может отвлечь исследователя от семантической основы наименования.

Таким образом, анализ конкретных семантически эквивалентных единиц русского и белорусского языков приводит к выводу о том, что, если целью исследования является установление зон лексических систем сопоставляемых языков, которые демонстрируют специфическое отражение мира посредством различных ВФ слов, сопоставление мотивирующих признаков не позволяет учесть индивидуальную, не

сводимую к отдельным типам (действие, объект действия и т.п.) семантику, закодированную в структуре деривата. Совокупное же сопоставление семантики и мотивирующих баз, и формантов предполагает обязательный учет техники словообразования, что может заслонить семантическую общность основы наименования некоторого явления в двух рассматриваемых языках. В связи с этим при сопоставительном анализе ВФ считаем наиболее оптимальным сфокусировать внимание на семантике мотивирующих слов, что позволит, не отвлекаясь на структурные отличия слов, выявить, с опорой на наименования каких явлений действительности были созданы лексические единицы. При таком подходе в случае, если мотивирующие слова обоих сопоставляемых дериватов являются семантическими эквивалентами друг друга, ВФ дериватов стоит признать одинаковыми (рус. *гребец* и бел. *вясляр*, так как рус. *грести* переводится бел. *веславаць*), в противном случае – различными (рус. *копилка* и бел. *скарбонка*, поскольку рус. *копить* не переводится бел. *скарб* и наоборот).

Библиографические ссылки

1. Голев Н. Д. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5 : Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск : Изд-во ТГУ, 1972. С. 94-99.
2. Даукаева Г. Р. Сопоставительный анализ наименований головных уборов и обуви в английском, немецком и татарском языках: дисс... канд. фил. наук: 10.02.20. Уфа, 2004. 208 л.
3. Дробаха Л. В. Національно-культурна специфіка назв птахів в українській та німецькій мовах: дис. ... канд. філ. наук: 10.02.17. Кіровоград, 2002. 187 арк.
4. Зайнетдинова И. Р. Анализ внутренней формы наименований лица в английском и французском языках: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20. Уфа, 2004. 163 л.
5. Токарев К. О. Внутрішня форма слова як параметр міжмовного зіставлення: автореф. дис. ... канд. філ. наук: 10.02.17 / Донецький національний університет. Томск, 2011. 20 с.
6. Чижик Н. А. Мотивационно-сопоставительный аспект предметно-бытовой лексики русского языка: дисс... канд. фил. наук: 10.02.01. Томск, 2005. 218 л.
7. Швець Н. В. Мотиваційна основа іхтіонімів в англійській, французькій та українській мовах: дис. ... канд. філ. наук: 10.02.17. Київ, 2016. 207 арк.
8. Шевчик А. В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2011. 20 с.